Н. С. Автономова [ab]

https://orcid.org/0000-0003-1234-919X
✉ *avtonomovanatalia@gmail.com*
[a] *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва)*
[b] *Институт философии РАН (Россия, Москва)*

Фрагмент перевода книги Жерара Женетта «Пороги» и вступительная заметка переводчика

Аннотация. Жерар Женетт (1930–2018) — выдающийся французский литературовед, внесший огромный вклад в исследование поэтики, нарратологии, риторики и прагматики литературных текстов. На русский язык переведен его трехтомник «Фигуры» (1998), а также некоторые статьи, однако до сих пор не переведена его книга «Пороги» (1987), посвященная такому важному понятию, как паратекст. Чтобы хотя бы отчасти заполнить эту лакуну, в публикации читателям предлагается перевод введения к этой книге, где Женетт подробно объясняет, что он подразумевает под термином «паратекст» и зачем он нужен. Паратекст (фр. *paratexte*, от др.-греч. παρά ‘возле, около’ + «текст») — это совокупность пограничных элементов литературного текста, задающих рамку его восприятия и интерпретации; сеть пороговых приемов и условностей, которые, находясь вне книги или внутри нее, определяют ее прочтение. По Женетту, паратекст подразделяется на перитекст и эпитекст. Перитекст — это те элементы паратекста, которые непосредственно соприкасаются с текстом (название, имя автора, жанровое обозначение, посвящение, эпиграф, дата, предисловие, примечания, комментарий, но также выпускные данные, элементы оформления издания и т. д.) Эпитекст — это те элементы паратекста, которые существуют отдельно от самого текста (критические статьи, рекламные материалы, посвященные данному тексту выступления автора и т. д.). И те и другие, вместе и порознь, могут образовывать сложные медиации между книгой, автором, издателем, читателем; такие элементы паратекстов, как заглавия, предисловия, эпиграфы, посвящения, формируют частную и публичную историю книги. В «Порогах» дается энциклопедический обзор обычаев и институций Республики Словесности как они проявляют себя на границах книги.

Ключевые слова: Жерар Женетт, нарратология, поэтика, паратекст, прагматика текста

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

© Н. С. АВТОНОМОВА

https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-4-357-372

Для цитирования: *Автономова Н. С.* Фрагмент перевода книги Жерара Женетта «Пороги» и вступительная заметка переводчика // Шаги/Steps. Т. 10. № 4. 2024. С. 357–372.

Поступило 30 апреля 2024 г.; принято 13 октября 2024 г.

Shagi / Steps. Vol. 10. No. 4. 2024
Articles

N. S. Avtonomova [ab]

https://orcid.org/0000-0003-1234-919X
✉ *avtonomovanatalia@gmail.com*

[a] *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)*
[b] *Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)*

A fragment of a translation of Gérard Genette's *Paratexts: Thresholds of interpretation*, and the translator's introductory note

Abstract. Gérard Genette (1930–2018) was an outstanding French literary critic who made an enormous contribution to the study of poetics, narratology, rhetoric and pragmatics of literary texts. His three-volume book *Figures* (1998), as well as some articles, have been translated into Russian, but his book *Paratexts: Thresholds of interpretation* (1987), dedicated to such an important concept as paratext, has not yet been translated. To fill this gap, at least partially, the following publication offers readers a translation of the "Introduction" to this book, where Genette explains in detail what he means by the term "paratexts" and why it is needed. Paratext (French *paratexte*, from ancient Greek παρά 'near, around' + "text") is a set of boundary elements of a literary text that set the frame for its perception and interpretation; a network of threshold devices and conventions that, whether outside or inside the book, determine how it is read. According to Genette, a paratext is divided into a peritext and an epitext. Peritext is those elements of a paratext that are directly in contact with the text (title, author's name, genre designation, dedication, epigraph, date, preface, notes, commentary, but also publication data, design elements of the publication, etc.). Epitext is those elements of a paratext that exist separately from the text itself (critical articles, advertising materials, speeches by the author dedicated to this text, etc.). Both of them, together and separate-

© N. S. AVTONOMOVA

https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-4-357-372

ly, can form complex mediations between the book, the author, the publisher, the reader; such elements of paratexts as titles, prefaces, epigraphs, dedications form the private and public history of the book. *Thresholds* provides an encyclopedic overview of the customs and institutions of the Republic of Letters as they manifest themselves at the boundaries of the book.

Keywords: Gérard Genette, narratology, poetics, paratext, pragmatics of the text

Acknowledgements. The article is a part of the RANEPA state assignment research programme.

To cite this article: Avtonomova, N. S. (2024). A fragment of a translation of Gérard Genette's *Paratexts: Thresholds of interpretation*, and the translator's introductory note. *Shagi / Steps*, *10*(4), 357–372. (In Russian).

Received April 30, 2024; accepted October 13, 2024

Жерар Женетт (1930–2018) — выдающийся французский литературовед, абсолютно не поддающийся однозначным классификациям. Кто он: создатель структурной поэтики, постструктуралист, постмодернист, теоретик и практик современной семиотики, риторики, нарратологии, историк дискурсивных модальностей текста? Нужно ли здесь выбирать что-то одно, или можно предполагать сосуществование и пересечение в наррациях и дискурсах одного персонажа одновременно разных возможностей и подходов, а также определенную эволюцию его взглядов? Огромный объем анализируемого литературного материала и виртуозное обращение с понятиями и концептами делает Женетта ключевой фигурой в поле исследования современной нарратологии. Переосмысление Женеттом классических форм поэтики, в том числе в сфере исследования литературных жанров, происходит одновременно с введением прагматических модальностей в само понимание реальности литературного материала и приемов его анализа. Не подлежит сомнению, что жанры возникают и трансформируются, живут и умирают, однако конкретный ответ на вопрос о том, как все это происходит, предполагает новые модусы внимания к тому, что является текстом, а что существует как бы вокруг текста, но иногда и внутри него, только незаметно для поверхностного взгляда. Для ответа на этот вопрос Женетт призывает историков и теоретиков литературы с предельным вниманием анализировать такие регистры текстов — они есть одновременно и формы существования текстов, и модальности их изучения, — как интертекстуальность, паратекстуальность, метатекстуальность, гипертекстуальность и архитекстуальность (об этом, в частности, говорится в его книге 1982 г. «Палимпсесты»).

Выразительной иллюстрацией такого подхода применительно к регистру паратекстуальности может служить одна их важнейших работ

Женетта «Пороги» [Genette 1987] (в английском переводе, заметим, понятие паратекста выходит на первый план даже в заглавии книги [Genette 1997]: «Паратексты: пороги и интерпретации»). Паратекст (фр. *paratexte*, от др.-греч. παρά ‘возле, около’ + «текст») — это совокупность пограничных элементов литературного текста, задающих рамку его восприятия и интерпретации; сеть пороговых приемов и условностей, которые, находясь вне книги или внутри нее, определяют ее прочтение. По Женетту паратекст подразделяется на перитекст и эпитекст. Перитекст — это те элементы паратекста, которые непосредственно соприкасаются с текстом (название, имя автора, жанровое обозначение, посвящение, эпиграф, дата, предисловие, примечания, комментарий, но также выпускные данные, элементы оформления издания и т. д.). Эпитекст — это те элементы паратекста, которые существуют отдельно от самого текста (критические статьи, рекламные материалы, посвященные данному тексту выступления автора и т. д.) И те и другие, вместе и порознь, могут образовывать сложные медиации между книгой, автором, издателем, читателем; такие элементы паратекстов, как заглавия, предисловия, эпиграфы, посвящения, формируют частную и публичную историю книги. В «Порогах» дается энциклопедический обзор обычаев и институций Республики Словесности как они проявляют себя на границах книги. Необходимо подчеркнуть, что прагматико-коммуникативное измерение текста, согласно подходу Женетта, представленному в «Порогах», проявляет себя прежде всего в «зоне неопределенности», в зоне перехода между текстом и вне-текстом, это сфера взаимодействий, трансакции, или «привилегированное место прагматики и стратегии», воздействия на публику с намерением добиться лучшего принятия текста и более обоснованного его прочтения. Прагматической характеристикой паратекста Женетт считает то, что в философии языка именуется «иллокутивной силой» сообщений; так, элемент паратекста может сообщать чистую информацию (например, имя автора или дату публикации), интенцию или интерпретацию автора и/или издателя (предисловие); указывать на жанр и нарративную специфику текста, причем некоторые жанровые обозначения (автобиография, история, мемуары) имеют значение договора, более обязывающее («я обязуюсь говорить правду»), нежели другие (роман, очерк) и т. д., и т. п. Все сказанное Женеттом о паратексте и паратекстуальности имеет непосредственное отношение и к проблеме перевода. Внимание к паратекстуальным параметрам текстов дает в руки переводчика новый концептуальный инструмент, позволяет ему выбирать — на стыке «текста» и «вне-текста» — те переводческие решения, которые наиболее адекватны интенциям, интерпретациям, жанровым параметрам, нарративным стратегиям и коммуникативным установкам того или иного произведения. Представленный ниже перевод введения к «Порогам» Женетта дает обобщенное представление об этих характеристиках текста в регистре взаимодействий поэтики и прагматики.

Жерар Женетт

Пороги

Введение

Литературное произведение состоит — целиком или по большей части — из текста, т. е. (определение весьма упрощенное) из более или менее протяженной последовательности словесных высказываний, в большей или меньшей степени наделенных значением. Однако этот текст редко бывает представлен в чистом виде — без усиления или сопровождения целым рядом других элементов, словесных или нет, таких как имя автора, заглавие, предисловие, иллюстрации. Хотя мы не всегда знаем, нужно ли рассматривать эти элементы как нечто принадлежащее тексту, в любом случае они окружают и продолжают текст именно для того, чтобы п р е д с т а в и т ь его в обычном смысле этого глагола, но также и в самом сильном смысле: чтобы сделать текст п р и с у т с т в у ю щ и м, обеспечить его присутствие в мире, его «рецепцию» и его потребление в форме книги (по крайней мере, в наши дни). Это сопровождение, различное по своему объему и облику, образует то, что я назвал в другом месте [Genette 1982: 9] *паратекстом* произведения — в соответствии с подчас двойственным смыслом приставки *para* во французском языке[1] (я напомню о таких прилагательных, как *парафискальный* или *парамилитарный*). Таким образом, паратекст для нас есть то, что превращает текст в книгу и предлагает его как таковой читателям и шире — публике. Речь здесь идет не столько о пределе или о непроницаемой границе, но скорее о п о р о г е или о «вестибюле» — этим словом Борхес называет предисловие, — о том, что предоставляет всем и каждому возможность войти внутрь или же повернуть назад. Это «зона неопределенности»[2] между тем, что внутри (le dedans), и тем, что снаружи (le dehors), зона, которая не отделяется четкой границей ни от того, что внутри (текст), ни от того, что вовне (дискурс мира о тексте), кромка, или, как говорил Филипп Лежён, «край напечатанного текста, который в реальности управляет всем его

[1] И, конечно же, в некоторых других языках, если верить замечанию Дж. Хиллиса-Миллера применительно к английскому: «*Para* — это антитетическая приставка, которая обозначает одновременно близость и расстояние, сходство и различие, внутреннее и внешнее ‹...›, нечто такое, что размещается одновременно внутри и вне границы, за или перед порогом или краем, в статусе равном главному и в то же время вторичном, дополнительном, подчиненном, как гость по отношению к хозяину или раб к господину. Нечто, обозначаемое словом *para*, не только находится по ту или другую сторону границы, отделяющей внутреннее от внешнего, — оно и есть сама граница, экран, проницаемая мембрана между тем, что внутри, и тем, что снаружи. Она обеспечивает их смешение, впуская внешнее и выпуская внутреннее, она разделяет и объединяет их» [Hillis Miller 1979: 219]. Это довольно точное описание того, что делает паратекст.

[2] Образ, неизбежно приходящий в голову каждому, кто имеет дело с паратекстом, — «зона неопределенности ‹...›, где смешиваются два ряда кодов — социальный, в его рекламном аспекте, и коды, производящие текст и управляющие им» [Duchet 1971: 6]; «зона, промежуточная между вне-текстом и текстом» [Compagnon 1979: 328].

прочтением»[3]. Этот край, который в самом деле всегда содержит в себе авторский или по крайней мере авторизованный комментарий, представляет собой не только зону перехода, или транзита, между текстом и вне-текстом, но также зону т р а н с а к ц и и — привилегированное место прагматики и стратегии, воздействия на публику с намерением — хорошо или плохо осознанным и осуществленным — добиться лучшего принятия текста и более обоснованного (с точки зрения автора и его сторонников) его прочтения. К этому воздействию мы обратимся в дальнейшем, более того: только о его средствах, способах и результатах и пойдет речь в этой книге. Чтобы показать, что поставлено здесь на карту, зададимся для примера простым вопросом: как бы мы читали «Улисса» Джойса, если бы он не назывался «Улисс» и в нашем распоряжении был только текст без каких-либо указаний на то, как с ним обращаться?

Таким образом, эмпирически паратекст состоит из неоднородной совокупности практик и дискурсов разного рода и разных эпох, которые я объединяю этим термином, чтобы подчеркнуть общность интереса к ним или сходство их воздействия, что кажется мне более важным, нежели разнообразие их облика. Оглавление моей книги избавляет меня от предварительного перечисления этих практик и дискурсов, хотя один-два термина пока остаются неясными, и я вскоре дам их определение. По мере возможности я буду разбирать исследуемые здесь элементы в том порядке, в каком мы обычно с ними сталкиваемся: внешнее представление книги, имя автора, заглавие и далее — то, что предлагается покорному читателю, хотя, разумеется, не все читатели таковы. В этом смысле размещение всего, что я называю «эпитекстом», в конце книги выглядит полным произволом, потому что многие будущие читатели знакомятся с ней, к примеру, благодаря интервью, данному автором (если не благодаря журналистской рецензии или устной рекомендации, которые у нас не принято относить к паратексту, входящему в зону намерений и ответственности автора), однако преимущества помещения эпитекста в конец окажутся, как я надеюсь, выше связанных с этим неудобств. Более того, подобная диспозиция ни к чему не обязывает читателя, и тот, кто обычно читает книгу с конца или с середины, сможет применить такой же метод, если это метод, и к данной книге.

Впрочем, присутствие вокруг текста паратекстуальных сообщений, перечень которых — первоначальный, сжатый и, разумеется, не исчерпывающий — я предлагаю, отнюдь не является постоянным и систематическим: существуют книги без предисловия, авторы, упорно отказывающиеся от интервью; нам известны также эпохи, когда приводить имя автора и даже заглавие было необязательно. Пути и средства паратекста непрестанно меняются в зависимости от эпох, культур, жанров, авторов, произведений, изданий одного и того же произведения, которые иногда воздей-

[3] Продолжение фразы указывает, что автор здесь подразумевает отчасти то, что я называю паратекстом: «...имя автора, заглавие, подзаголовок, название серии, имя издателя — вплоть до двусмысленной игры предисловий».

ствуют на читателя совершенно по-разному: общеизвестно, что наша «медиатическая» эпоха умножает вокруг текстов дискурсы, которых не знала эпоха классическая и тем более — Античность и Средние века, когда тексты циркулировали нередко в почти сыром виде, в форме рукописей, лишенных каких-либо формул презентации. Я говорю «почти», потому что уже один только факт записи — но также и устной передачи — привносит в идеальность текста момент материализации, графической или фонической, который может порождать, как мы увидим, паратекстуальные эффекты. В этом смысле можно, пожалуй, утверждать, что не существует и никогда не существовало текста [Lejeune 1975: 45][4] без паратекста. Напротив, парадоксальным образом существуют, хотя и в качестве случайностей, паратексты без текста, потому что имеется немало произведений, исчезнувших или несостоявшихся, от которых до нас дошло одно лишь заглавие. (Несколько примеров: многочисленные послегомеровские эпопеи или классические греческие трагедии, сочинение «Укус плеча», автором которого объявляет себя Кретьен де Труа в «Клижесе»[5], или же «Битва при Фермопилах», один из неосуществленных проектов Флобера, о котором нам ничего не известно, кроме того, что в этом тексте не должно было использоваться слово *cnémide* [поножи]). Одни только эти заглавия дают нам пищу для размышлений, т. е. несколько больше, чем многие произведения, которые можно найти где угодно и прочесть от начала до конца. Наконец, утверждение, что разные элементы паратекста обязательны в разной степени, относится также к публике и читателю: никто не обязан читать предисловие, даже если такая свобода не всегда приветствуется автором; существует немало примечаний, которые, как мы увидим, обращены лишь к некоторым читателям.

Что же касается изучения каждого из этих элементов, или скорее типов элементов, мы будем стараться обращать внимание прежде всего на те черты, которые позволят определить статус паратекстуального сообщения, каким бы оно ни было. Эти черты, по сути, характеризуют его пространственные, временные, субстанциальные, прагматические и функциональные свойства. Конкретнее: определить элемент паратекста значит установить его местонахождение (вопрос *где?*), время возникновения, а также, в ряде случаев, исчезновения (*когда?*), его способ существования, словесный или иной (*как?*), участников акта коммуникации: отправителя и получателя (*от кого? к кому?*) и функции этого элемента (*для чего?*). Этот вопросник несколько упрощен, однако он почти целиком определяет метод, используемый в книге, а потому здесь, конечно же, необходимо сказать пару слов в его обоснование.

---

[4] Я говорю здесь о текстах, а не о произведениях в «благородном» смысле этого слова, так как необходимость паратекста навязывает себя любому виду книги, пусть и лишенной какой-либо эстетической цели, хотя наше исследование ограничивается здесь паратекстом литературных произведений.

[5] В основу этого сочинения был положен эпизод с Пелопом в шестой книге «Метаморфоз» Овидия. — *Примеч. переводчика*.

Элемент паратекста — по крайней мере, если он представляет собой материализовавшееся сообщение — непременно имеет местоположение, которое можно определить по отношению к местоположению самого текста: рядом с текстом, но внутри одного и того же тома, как, например, заглавие и предисловие, или же внутри текста, как названия глав или некоторые примечания; я назову *перитекстом*[6] эту первую пространственную категорию, конечно же, наиболее типичную: о ней речь пойдет в одиннадцати первых главах. Также рядом с текстом, но на более почтительном (или более благоразумном) расстоянии располагаются элементы, которые, по крайней мере поначалу, находятся вне книги: они, как правило, принадлежат к медийной сфере (интервью, беседы) или к сфере частной коммуникации (письма, дневники и др.). Эту вторую категорию я называю, за неимением лучшего, *эпитекстом*: о ней речь пойдет в двух последних главах. Из этого само собой следует, что перитекст и эпитекст полностью и без остатка охватывают все пространственное поле паратекста: иначе говоря, для тех, кто любит формулы, *паратекст* = *перитекст* + *эпитекст*[7].

Темпоральную ситуацию паратекста также можно определить по отношению к темпоральной ситуации текста. Если принять за точку отсчета дату выхода текста в свет, т. е. дату его первого, или оригинального[8], издания, то окажется, что некоторые элементы паратекста были порождены в результате предварительного (публичного) производства: таковы проспекты, анонсы будущего текста, или же элементы, связанные с препубликацией в газете или журнале, которые подчас исчезают при публикации книги, как например знаменитые гомеровские заглавия глав в «Улиссе», официальное существование которых можно назвать полностью пренатальным; иными словами, все это паратексты, предшествующие текстам. Другие, наиболее распространенные, появляются одновременно с текстом, это оригинальный паратекст: таково предисловие к «Шагреневой коже», появившееся в 1831 г. вместе с романом, который оно представляет. Существуют и такие элементы паратекста, которые появляются позже текста, например, по случаю второго издания, как предисловие к «Терезе Ракен» Золя (через четыре месяца), или же в гораздо более позднем переиздании, как «Опыт о революциях» Шатобриана (через двадцать девять лет). По причинам функционального характера, о которых речь пойдет ниже, здесь есть смысл различать пара-

---

[6] Это понятие пересекается с понятием периграфии, предложенным А. Компаньоном [Compagnon 1979: 328–356].

[7] Следует уточнить, что перитекст научных изданий (обычно посмертных) иногда включает элементы, которые не относятся к паратексту в том смысле, в каком я его определяю: таковы выдержки из аллографических рецензий (Сартр в «Плеяде», Мишле во «Фламмарионе» и др.).

[8] В отличие от библиографов и библиофилов, я не буду здесь принимать в расчет технические различия между первым изданием, поступившим в продажу (première édition courante), оригинальным изданием и изданием princeps и буду называть оригинальным первое по времени издание.

тексты п о з д н и й (первый случай) и о т с р о ч е н н ы й (второй случай). Если эти элементы паратекста появляются после смерти автора, я буду называть их, как это обычно делается, посмертными (posthumes); если же они появляются в течение жизни автора, я применю неологизм, изобретенный моим любимым учителем Альфонсом Алле: д о с м е р т н ы й[9] (anthume) паратекст. Впрочем, эта последняя оппозиция имеет значение не только применительно к отсроченным элементам паратекста, так как паратекст может быть одновременно и оригинальным, и посмертным, если он сопровождает текст, который и сам публикуется посмертно, как, например, заглавие и обозначение жанра (ложное) «Жизни Анри Брюлара, написанной им самим. Роман в подражание “Векфильдскому священнику”».

Если какой-то элемент паратекста может в любой момент появиться, то он может также исчезнуть, навсегда или нет — по решению автора, из-за внешнего вмешательства или просто с течением времени. Немало заглавий классической эпохи были сокращены потомками — даже на титульных листах самых серьезных современных изданий, а все оригинальные предисловия Бальзака были сознательно устранены в 1842 г. при включении их в так называемую «Человеческую комедию». От подобных изъятий, случающихся очень часто, зависит продолжительность жизни элементов паратекста. Некоторые живут совсем недолго: насколько мне известно, рекорд принадлежит предисловию к «Шагреневой коже» (один месяц). Однако выше я сказал: «может исчезнуть, навсегда или нет»; это значит, что элемент, устраненный, например, в новом издании, всегда может заново возникнуть в каком-то более позднем издании; так, некоторые примечания к «Новой Элоизе», исключенные из второго издания, вскоре вновь вошли в книгу; предисловия, изъятые Бальзаком в 1842 г., в наши дни вновь обнаруживаются во всех хороших изданиях. Протяженность жизни паратекста нередко прерывается, и эта прерывистость — об этом еще пойдет речь — тесно связана с его исключительно функциональным характером.

Вопрос о с у б с т а н ц и а л ь н о м статусе будет здесь решен или же отодвинут в сторону, как часто случается на практике, благодаря тому факту, что почти все рассматриваемые паратексты сами имеют т е к с т о в у ю или по крайней мере словесную природу; заглавия, предисловия, интервью — все это высказывания, весьма различные по своей протяженности, но все без исключения имеющие лингвистический статус текста. Чаще всего паратекст и сам является текстом: если он еще не стал определенным текстом, он уже имеет текстуальную природу. Однако следует иметь в виду, что роль паратекста могут играть и другие элементы: иконические (иллюстрации), материальные (все, что обусловлено, например, типографскими решениями, иногда очень значимыми в композиции книги)

[9] Так Алле обозначал те свои произведения, которые появлялись в сборниках при его жизни. Необходимо отметить, что понимание *posthumus* как «следующего за погребением» — это древнейшая (и превосходная) народная этимология; на самом деле *postumus* [sic!] — это просто превосходная степень от *posterior* (последующий).

или чисто фактографические. Я считаю фактографическим такой паратекст, который представляет собой не определенное сообщение (словесное или иное), но сам факт, который, будучи известен публике, дает какое-то пояснение к тексту и влияет на его восприятие. Возьмем возраст и пол автора (сколько произведений — от Рембо до Соллерса — были обязаны частью своей славы или успеха престижу молодости! Разве мы читаем «женский роман» так же, как просто роман, иначе говоря, роман «мужской»?) или же время создания произведения: как говорил Ренан, «подлинное восхищение исторично»; во всяком случае несомненно, что представление об исторической эпохе, породившей произведение, редко не оказывает влияния на его прочтение. Я назвал здесь самые очевидные характеристики фактографического паратекста, но существует также немало других — более поверхностных, как например, принадлежность к академии (или другой славной институции) или получение литературной премии, либо более глубинных, с которыми мы еще столкнемся, таких, например, как существование вокруг произведения имплицитного контекста, который в известной степени уточняет или изменяет его значение. Такими имплицитными контекстами могут быть авторский контекст, выстроенный вокруг «Отца Горио» всем ансамблем «Человеческой комедии»; жанровый контекст, созданный вокруг этого произведения и этого ансамбля существованием такого жанра, как «роман»; исторический контекст, созданный эпохой, называемой «XIX век», и др. Я не буду здесь пытаться уточнять природу и измерять вес этих фактов контекстуальной принадлежности, однако нам стоит по крайней мере запомнить в принципе, что всякий контекст способствует созданию паратекста. Существование этих фактов контекстуальной принадлежности, как и любого другого вида фактографического паратекста, может доводиться или не доводиться до сведения публики посредством сообщений, которые, со своей стороны, принадлежат к текстуальному паратексту: таковы название жанра, упоминание о литературной премии на опоясывающей книгу ленте, указание на возраст автора в извещении о выходе книги (prière d'insérer), косвенное указание на пол в имени и др. Однако бывает, что эти факты становятся известными публике без специального упоминания: так, для большинства читателей «Поисков утраченного времени» знание двух биографических фактов — наполовину еврейского происхождения Пруста и его гомосексуальности — неизбежно служит паратекстом к тем страницам его произведения, которые посвящены этим двум темам. Я не говорю, что это обязательно нужно знать, я говорю лишь, что те, кто это знает, читают не так, как те, кто этого не знает, а те, кто отрицает это различие, смеются над нами. Подобным образом читать «Западню» Золя как независимое произведение и читать ее как эпизод эпопеи «Ругон-Маккары» — это, конечно же, два весьма различных прочтения.

Прагматический статус элемента паратекста определяется характеристиками его коммуникативной ситуации: природой отправителя и получателя, степенью авторитетности и ответственности отправителя,

иллокутивной силой его сообщения и наверняка какими-то другими характеристиками, которые ускользнули от моего внимания. Отправитель паратекстуального сообщения (как и любого другого сообщения) не обязательно является его фактическим создателем, личность которого нам не так уж важна: можно допустить, что предисловие к «Человеческой комедии», подписанной Бальзаком, было на самом деле написано одним из его друзей; отправитель определяется предполагаемой атрибуцией и взятой на себя ответственностью. Обычно речь идет об авторе (а в т о р с к и й паратекст), но может идти также и об издателе: если под извещением о выходе книги не стоит подпись автора, ее обычно относят к и з д а т е л ь с к о м у паратексту. Автор и издатель являются (среди прочего и в юридическом отношении) двумя лицами, несущими ответственность за текст и за паратекст, однако они могут частично передавать эту ответственность третьему лицу. Предисловие, написанное этим третьим лицом и принятое автором, например, предисловие Анатоля Франса к книге Марселя Пруста «Утехи и дни», принадлежит, как мне представляется (в силу его авторского принятия), к паратексту — в данном случае а л л о г р а ф и ч е с к о м у. Бывают ситуации, когда ответственность за паратекст в некотором смысле разделена: таковы интервью с автором, где кто-то другой задает ему вопросы и обычно «принимает» и передает, верно или неверно, его слова.

Получателя можно в общих чертах определить как «публику», однако это определение слишком широкое, так как публика книги виртуально охватывает все человечество, и потому здесь требуются некоторые уточнения. Одни элементы паратекста и в самом деле адресуются публике вообще (это не значит, что они ее достигают), т. е. всем и каждому: это относится (о чем далее) к заглавию или к интервью. Другие адресуются (здесь та же оговорка) более конкретно и ограничительно только читателям данного текста: типичный случай здесь — предисловие. Третьи, например, ранние формы извещений о выходе книги (prière d'insérer), обращены только к критикам; четвертые — к книготорговцам. И все это вместе (перитекст или эпитекст) образует то, что мы называем п у б л и ч н ы м паратекстом. Некоторые элементы паратекста обращены — в устной или письменной форме — к отдельным людям, известным или неизвестным, которые вовсе не обязаны всем об этом рассказывать; это ч а с т н ы й паратекст, причем наиболее частный его фрагмент образуют сообщения, адресованные автором самому себе в дневнике или еще где-то: это глубоко и н т и м н ы й паратекст, поскольку, каково бы ни было его содержание, автор адресует его самому себе.

По определению паратекст всегда необходимо предполагает ответственность со стороны автора или связанного с ним лица, однако степени этой ответственности могут быть разными. Позаимствую из политического словаря распространенное различение — его легче применить, чем определить — между официальным и официозным. О ф и ц и а л ь н ы м является всякое паратекстуальное сообщение, которое автор и/или из-

датель открыто признают и от ответственности за которое не могут уклониться. Таким образом, к сфере официального относится все то, что порождено автором или издателем и представлено в досмертном (anthume) перитексте — скажем, в заглавии или в первоначальном предисловии или же в комментариях, подписанных автором в книге, за которую он несет полную ответственность, например, в «Ветре-утешителе» (Vent Paraclet)» Мишеля Турнье. К сфере официозного относится наибольшая часть авторского эпитекста: интервью, беседы и признания, от ответственности за которые автор может в той или иной мере отказываться с помощью отрицаний следующего типа: «Это не совсем то, что я сказал», или «Это было импровизированное высказывание», или «Это не предназначалось для публикации», или даже «торжественное заявление» вроде того, что сделал Роб-Грийе в Серизи [Ricardou 1976: 316], когда принялся полностью отрицать какое-либо «значение» своих «газетных статей, случайным образом собранных в томе под названием “Essais”», и «тем более» «всех устных заявлений, которые я могу здесь сделать, даже если я допускаю в дальнейшем их публикацию» — здесь мы, пожалуй, имеем дело с новой версией парадокса критянина[10]. Еще более явный случай официозного паратекста — когда автор позволяет или рекомендует говорить третьему лицу, например, автору аллографического предисловия или «авторизованному» комментатору: такова роль Ларбо или Стюарта Гилберта в распространении гомеровских ключей к «Улиссу», которое было организовано Джойсом, но публично не признано им. Разумеется, существует немало промежуточных ситуаций, которым трудно дать определение, поскольку они отличаются одна от другой лишь степенью ответственности автора, однако преимущество этих тонких оттенков несомненно: иногда мы заинтересованы в том, чтобы некоторые вещи стали «известны», но при этом не было известно, что предали их огласке мы сами.

Последней прагматической характеристикой паратекста является то, что я называю, весьма вольно заимствуя это прилагательное у философов языка, иллокутивной силой его сообщений. Речь здесь снова идет о градации состояний. Элемент паратекста может сообщать чистую информацию, например, имя автора или дату публикации; он может сообщать интенцию или интерпретацию — автора и/или издателя, и это главная функция большинства предисловий, а также указаний на жанр произведения — на обложке или на титульном листе: *роман* не значит «эта книга — роман», поскольку настаивать на таком определении вряд ли кому-либо по силам, но скорее «Пожалуйста, рассматривайте эту книгу как роман». Речь может идти о подлинном принятии решения: *Стендаль* или *«Красное и черное»* не значит «Меня зовут Стендаль» (что ложно по отношению к записи актов гражданского состояния) или «Эта книга называется “Красное и черное”» (что не имеет никакого смысла), но «Я выбрал *Стендаль* в качестве псевдонима» и «Я как автор решаю

[10] То же, что парадокс лжеца. — *Примеч. переводчика.*

назвать эту книгу “Красное и черное”». Или речь может идти об о б я з а т е л ь с т в е: некоторые жанровые обозначения (автобиография, история, мемуары), как известно, имеют значение договора, более обязывающего («Я обязуюсь говорить правду»), нежели другие (роман, очерк), и одно лишь упоминание, типа *Первый том* или *Том 1*, имеет силу обещания или, как говорит Нортроп Фрай, «угрозы». Или же с о в е т а и даже п р и к а з а: «Эту книгу, — говорит Гюго в предисловии к “Созерцаниям” — следует читать так, как читают книгу умершего»; «Все это, — пишет Барт в начале книги “Ролан Барт о Ролане Барте”, — должно рассматриваться как сказанное персонажем романа»; а некоторые разрешения («Вы можете читать эту книгу в таком-то порядке, можете пропустить то или это») так же ясно, хотя и ненавязчиво, указывают на предписывающую способность паратекста. Некоторые элементы паратекста обладают даже тем, что логики называют п е р ф о р м а т и в н о й способностью, т. е. могут совершать то, что они описывают («Я открываю заседание»); таков случай посвящений. *Посвятить, надписать книгу Такому-то* означает не что иное, как напечатать или написать на одной из ее страниц формулу типа «Такому-то». И это предельный случай паратекстуальной действенности, потому что тут достаточно сказать, чтобы сделать. Но и придумывание заглавия или выбор псевдонима — также действия, подражающие творческому акту.

* * *

Все эти замечания об иллокутивной силе незаметно подвели нас к самому существу дела — к ф у н к ц и о н а л ь н о м у аспекту паратекста. К существу дела — потому что, по всей очевидности, кроме отдельных точечных исключений, встречающихся здесь и там, паратекст во всех его формах — это дискурс фундаментально гетерономный, вспомогательный, служебный по отношению к тому другому, что оправдывает его существование, а именно к тексту. Какую бы эстетическую или идеологическую нагрузку автор ни вводил («красивое заглавие», предисловие-манифест), к какому бы кокетству и парадоксальной инверсии он ни прибегал, элемент паратекста всегда остается подчинен «своему» тексту, и эта функциональность определяет самое главное в способе его исполнения и его существовании. Однако в противоположность таким признакам, как место, время, субстанция или прагматический режим, функции паратекста не могут быть описаны теоретически и до некоторой степени априорно, с использованием термина статус. Пространственное, временное, субстанциальное и прагматическое положение паратекстуального элемента определяется выбором, более или менее свободным, из общей и постоянной сетки альтернативных возможностей, из которых можно взять лишь один термин, исключая все другие: предисловие необходимо (по определению) является перитекстуальным, оно является оригинальным, поздним и л и отсроченным, авторским и л и аллографическим и т. д., и этот ряд опций или необходимостей строго определяет их статус и тем самым — тип. Функциональные же выборы не производятся по принципу альтерна-

тивности и исключительности либо — либо. Заглавие, посвящение, предисловие, интервью могут иметь одновременно разные цели, выбранные — без исключения всех других — из более или менее открытого перечня возможностей, свойственного каждому типу элементов: у заглавия свои функции, у посвящения — свои, предисловие обеспечивает другие, а иногда те же самые функции, не закрывая дорогу более узким спецификациям. Такое тематическое заглавие, как «Война и мир», не обозначает свой текст тем же образом, как формальное заглавие, например, *Послания* или *Сонеты*. Задачи посвящения отдельного экземпляра не те же самые, что задачи посвящения произведения; отсроченное предисловие не преследует тех же целей, что и оригинальное, аллографическое предисловие — тех же целей, что и авторское и т.д. Функции паратекста, следовательно, представляют собой весьма связанный с эмпирической сферой и весьма диверсифицированный объект, который нужно вычленять индуктивно — для отдельных жанров и даже для отдельных видов. В этой области, в которой по видимости царит случайность, можно установить лишь регулярные формы зависимости между функциями и статусами, а благодаря этому выделить своего рода функциональные типы и свести все разнообразие практик и сообщений к нескольким основным и часто повторяющимся темам, поскольку, как показывает опыт, речь у нас здесь идет о дискурсе более «принудительном», чем многие другие, и его авторы вводят те или иные новшества реже, чем им кажется.

Что же касается эффектов схождения, конвергенции (или расхождения, дивергенции), возникающих вследствие того, что вокруг текста располагается весь ансамбль его паратекста — Лежён показал на примере автобиографии, насколько утонченной может быть эта композиция, — то они могут быть обнаружены лишь путем индивидуального анализа (и синтеза) одного произведения за другим, между тем жанровый анализ, подобный нашему, неизбежно останавливается на пороге такого анализа. Вот иллюстрация, весьма простая, так как обсуждаемая структура сводится здесь к двум элементам: в ансамбле такого заглавия, как «Анри Матисс, роман»[11], имеется, по всей очевидности, несогласованность между заглавием в строгом смысле слова («Анри Матисс») и жанровым обозначением («роман») — несогласованность, которую читатель призван, если может, устранить (или по крайней мере принять как фигуру оксюморонного типа, вроде «врать правду») и к которой только текст может дать ему ключ, по определению индивидуальный, пусть даже у этой формулы обнаруживаются последователи [Roger 1986] и она становится обычным обозначением жанра.

Последнее уточнение, хотя это, кажется, и так понятно: речь здесь идет о синхроническом, а не диахроническом исследовании — о попытке дать общую картину, а не историю паратекста. Такое решение вдохновлялось не презрением к историческому измерению, но непреходящей убежденность в том, что прежде чем изучать эволюцию объектов, следует дать им

[11] Речь идет о романе Луи Арагона. — *Примеч. переводчика*.

определение. Наша работа, в сущности, как раз и заключается в том, чтобы разбирать традиционные эмпирические объекты (например, «предисловие»), с одной стороны, расчленяя их на более детально определенные объекты (оригинальное авторское предисловие, отсроченное предисловие, аллографическое предисловие и др.), а с другой стороны, включая их в более обширные ансамбли (перитекст, паратекст вообще) и, следовательно, выявляя категории, которые ранее не замечались или казались неуместными. Сочленение этих категорий определяет паратекстуальное поле, а само их установление создает предпосылки для любого изучения исторической перспективы. Однако диахронические соображения не будут полностью исключены из исследования, которое в конце концов касается наиболее социализованной стороны литературной практики — организации ее отношения к публике — и подчас не может обойтись без обращения к нравам и институциям Республики Словесности. Однако диахронические соображения не будут априорно считаться определяющими для паратекста в целом: каждый его элемент имеет свою собственную историю. Некоторые из этих элементов так же стары, как сама литература; другие появились или приобрели официальный статус после нескольких веков «скрытой жизни» (это и есть их предыстория) с изобретением книгопечатания или же с рождением современной журналистики и средств массовой информации, некоторые тем временем исчезли, причем нередко одни встают на место других, чтобы выполнять — лучше или хуже — аналогичную роль. Наконец, некоторые, по-видимому, претерпели, да и теперь претерпевают эволюцию более быструю и более значительную, чем другие (однако стабильность — это факт такой же исторический, как и изменение): так, у заглавия были свои моды, вполне узнаваемые, и по одному заглавию уже можно определить «эпоху», когда написано произведение; напротив, авторское предисловие совершенно не изменилось, за исключением своей материальной презентации, со времен Фукидида. Общая история паратекста, подчиненная ритму технологической эволюции, которая предоставляет ему средства и возможности, несомненно, была бы историей нескончаемых сдвигов, замещений, компенсаций и инноваций, которые при смене веков обеспечивают ему постоянство и в некоторой степени усиление действенности. Чтобы написать такую историю, нужно было бы располагать данными исследования более обширного и более полного, нежели наше, не выходящее за пределы западной культуры и даже весьма редко покидающее пределы французской литературы. Стало быть, нижеследующие страницы — это лишь начальное, предварительное расследование, призванное помочь тому, кто его продолжит. Однако довольно извинений и предупреждений — обязательных тем или штампов любого предисловия: довольно топтаться на пороге порога![12]

[12] Не подлежит сомнению, что наша работа многим обязана подсказкам слушателей, перед которыми я выступал. Всем участникам и участницам этих обсуждений моя глубокая признательность и моя перформативная благодарность.

References

Compagnon, A. (1979). *La seconde main: ou, Le travail de la citation*. Seuil.

Duchet, C. (1971). Pour une socio-critique ou variations sur un incipit. *Littérature, 1*(février), 5–14.

Genette G. (1982). *Palimpsestes*. Seuil.

Genette, G. (1987). *Seuils*. Seuil.

Genette, G. (1997). *Paratexts: Thresholds of interpretation* (J. E. Lewin, Trans., R. Macksey, Foreword). Cambridge Univ.

Hillis Miller, J. (1979). The critic as host. In H. Bloom, P. de Man, J. Derrida, G. H. Hartman, & J. Hillis Miller. *Deconstruction and criticism* (pp. 217–254). Seabury Press.

Lejeune, Ph. (1975). *Le Pacte autobiographique*. Seuil.

Ricardou, J. (Ed.) (1976). *Robbe-Grillet. Analyse, théorie* (Vol. 1). Union générale d'éditions.

Roger, Ph. (1986). *Roland Barthes, roman*. Grasset.

* * *

Информация об авторе

Наталия Сергеевна Автономова
доктор философских наук
ведущий научный сотрудник, Лаборатория историко-литературных исследований, Школа актуальных гуманитарных исследований, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82
главный научный сотрудник, Сектор теории познания, Институт философии РАН
Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1
✉ *avtonomovanatalia@gmail.com*

Information about the author

Natalia S. Avtonomova
Dr. Sci. (Philosophy)
Leading Researcher, Center for Historical and Literary Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, School for Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82
Principal Research Associate, Department of Theory of Cognition, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
Russia, 109240, Moscow, Goncharnaya Str., 12, Bld. 1
✉ *avtonomovanatalia@gmail.com*